

ГИПОТЕЗЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-64-72

О. Б. Заславский¹

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА «ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ БУДУ В ПАРИЖЕ НЕПРЕМЕННО...»: ОТ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ АНОМАЛИЙ К СКРЫТОМУ СЮЖЕТУ

Пушкинский текст, печатаемый под условным названием «Через неделю буду в Париже» (ЧН), долгое время считался неоконченным наброском. В самое последнее время были выдвинуты аргументы в пользу того, что это – полностью законченное произведение. Данная работа продолжает исследование художественной структуры ЧН. Показано, что в тексте присутствует ряд повествовательных аномалий, разрешение которых приводит к выявлению промежуточных звеньев сюжета, явно в тексте не присутствующих. Наличие такого скрытого сюжета означает присутствие дополнительных системных связей. Это служит еще одним аргументом в пользу того, что ЧН является полностью законченным произведением, а его замысел реализован в художественной структуре.

Ключевые слова: скрытый сюжет, структура текста, поэтика Пушкина

O. B. Zaslavskii

Kharkov V. N. Karazin National University

DRAMATIC MINIATURE «I WILL CERTAINLY BE IN PARIS NEXT WEEK...»: FROM NARRATIVE ANOMALIES TO HIDDEN PLOT

The text of Pushkin, published under the conditional name “I will be in Paris next week” (PW) was considered as unfinished draft for a long time. Recently, arguments were put forward in favor of the fact that this is a completely finished work. Our work continues the study of the artistic structure of PW. It is shown that in the text there are a number of narrative anomalies, the resolution of which leads to the identification of the intermediate links of the plot, not given in the text explicitly. The presence of such hidden plot means the existence of additional systemic connections. This serves as another argument in favor of the fact that PW is a completely finished work, and its plan is implemented in its artistic structure.

Key words: hidden plot, structure of text, poetics of Pushkin

¹ Олег Борисович Заславский – доктор физ.-мат. наук, профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, zaslav@ukr.net

Введение

Произведение, получившее в пушкиноведении условное название «Через неделю буду в Париже» (в дальнейшем, ЧН для краткости), в течение длительного времени практически не привлекало внимание исследователей². Историко-литературные сведения о нем весьма скудны; они изложены вкратце в комментарии Д. П. Якубовича в академическом издании [Пушкин, 1935, с. 688–689]. В частности, Д. П. Якубович отметил сходство ЧН с парижскими эпизодами «Арапа Петра Великого». Впоследствии эту параллель повторила Л. И. Вольперт [Вольперт 1979, с. 168–187, 180–181], которая, как о само собой разумеющемся обстоятельстве, говорила о «фрагменте». Также отмечалось некоторое сходство с письмами Пушкина – Керн и Онегина – Татьяне [Добродомов, Пильщиков 2008, с. 192]. Состояние дел на 2009 г. описано в комментариях Н. Л. Дмитриевой [Пушкин 2009, с. 1005].

Ситуация стала меняться совсем недавно. В работе [Заславский 2022, с. 371–381] были приведены соображения в пользу того, что на самом деле ЧН является законченным произведением, а также выявлена скрытая предыстория представленных там событий, связанных с отношениями графини и Дорвила. В работе [Заславский, Пимонов, 2022] представлены аргументы, что ЧН предполагает реконструкцию не только предыстории, но и ключевого события, которое должно последовать за представленным в тексте эпизодом, но не приведено в тексте и осталось «за кадром». Оно (как аргументировано в упомянутой выше работе) состоит в том, что графиня объяснит мужу, что причиной ее беременности было изнасилование ее Дорвилем.

В обеих упомянутых выше предыдущих работах скрытые элементы касались в основном взаимоотношений графини и Дорвила. В данной работе мы выявляем еще один скрытый сюжет, который в основном касается отношений графини и графа. Тем самым, по нашему мнению, текст содержит гораздо больше информации об отношениях всех трех персонажей, чем это дано непосредственно. Именно то обстоятельство, что многое в произведении осталось далеко не очевидным, и привело к недооценке этого миниатюрного шедевра и неверного представления о его статусе. Между тем, выявление скрытой структуры – это сам по себе сильный аргумент в пользу законченности произведения.

Скрытый сюжет: общие замечания

Поскольку данная работа существенным образом использует понятие «скрытый сюжет», представляется уместным сказать несколько общих слов по этому поводу. Данное понятие лишь сравнительно недавно стало применяться при анализе художественных текстов, прежде всего Пушкина. Сюда можно отнести, в частности, 2-ю часть книги [Пеньковский, 2003], работу [Рецептер, 2014, с. 35–62], а также целый ряд других примеров, представленных в книге [Заславский, 2020].

² Однако отметим попытку художественно досочинить произведение, предпринятую С. Д. Богдановским [Левинтон, 2008] – весьма оригинальную, но, по нашему мнению, не имеющую ничего общего с пушкинским произведением.

Обычно о наличии скрытого сюжета сигнализирует наличие причинно-следственных или сюжетных аномалий, которые нельзя объяснить одними только явленными в тексте обстоятельствами. Распутывание этих аномалий приводит к обнаружению скрытого сюжета (или отдельных скрытых элементов), что и позволяет объяснить эти аномалии³. Соответственно, это требует от исследователя дополнительных усилий, довольно необычных в литературоведческой практике. Здесь уместно напомнить фразу В. Э. Рецетера: «Как ни парадоксально, маленькие трагедии, кроме других своих особенностей, имеют еще и явные свойства детектива» [Рецетер, 2014, с. 37]. Эта характеристика применима отнюдь не только к маленьким трагедиям, но и к поэтике Пушкина в целом.

Таким образом, выявление скрытого сюжета – это не прихоть исследователя, а необходимость, диктуемая материалом исследования.

Прежде чем переходить к анализу текста, мы приведем сам текст [Шляпкин, 1903, с. 44–45].

Графиня одна, держит письмо.

«Через неделю буду в Париже непременно...» Письмо от двенадцатого, сегодня осьмнадцатое; он приедет завтра! Боже мой, что мне делать?

(Входит Дорвиль).

Д. Здравствуйте, мой ангел, каково вам сегодня? Послушайте, что я вам расскажу умора... Что с вами? вы в слезах.

Г. Вы чудовище.

Д. Опять! Ну, что за беда? Все дело останется в тайне. Слава богу, никто ничего не подозревает: все думают, что у Вас водяная. На днях все будет кончено. Вы для виду останетесь еще недель шесть в своей комнате, потом опять явитесь в свет, и все вам обрадуются.

Г. Удивляюсь вашему красноречию. А муж?

Дорвиль. Граф ничего не узнает. Мужья никогда ничего не узнают. Месяца через три он приедет к нам из армии, мы примем его как ни в чем не бывало; одного боюсь: он в вас опять влюбится и тогда...

Г. Прочтите это письмо.

Д. Ах, боже мой!

Г. Нечего глаза таращить. Я пропала вы погубили меня.

Д. Ангел мой! Я в отчаянии. Что с нами будет!

Г. С нами! с Вами ничего не будет, а меня граф убьет.

Д. Кто его звал? Какая досада.

Г. Досада! вам досадно потому, что вам некуда будет ездить на вечер, пока не заведете себе другой любовницы (баронессы д'Овре, например. Несносная мигушка). *(Передразнивает ее.)* Видите, что вы чудовище: я гибну, а вы смеетесь.

³ В качестве совсем другого рода скрытых элементов можно привести анаграммы: ключевое слово в тексте непосредственно отсутствует, но может существенным образом влиять на смысл и структуру текста.

Д. Я не допущу его до Парижа, я поеду навстречу к графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколую его.

Г. Какой ужас! Я не позволю вам проколоть моего мужа. Он для меня был всегда так добр. Я перед ним кругом виновата; я могла забыть все свои обязанности, изменить ему... и для кого?.. для изверга, который не посовестился... оставьте меня; говорят вам, оставьте меня.

Д. Поезжайте в свою деревню, в Британию.

Г. Это зачем? Разве граф за мною не поскочит?

Д. Скройтесь в мой замок.

Г. Вот еще! а шум? а соблазн? но, может быть, Вам того и надобно. Вы хотите, чтоб весь свет узнал о моем бесчестии: самолюбие ваше того требует.

Д. Как вы несправедливы! но что же нам делать?

Г. Вот до чего довели вы меня! ах, Дорвиль! я говорила вам, Вы не хотели мне верить; вы поставили на своем; посмотрите, что из этого вышло... Нечего ко мне ласкаться, подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы с ума сошли. Ах!.. постойте, какая прекрасная мысль!

Д. Что такое?

Г. Я умру со стыда, но нет иного способа.

Д. Что-ж такое?

Г. После узнаете.

Отношения графа и графини: скрытая предыстория

Обратим внимание на слова Дорвиля: «одного боюсь: он в вас опять влюбится». Слово «опять» в таком контексте – явный сигнал того, что отношения супругов разладились. Об этом же свидетельствуют и слова графини: «Я перед ним кругом виновата; я могла забыть все свои обязанности». То есть, очевидно, графиня забыла не что иное как «супружеские обязанности». Тогда приобретает смысл и ссылка на доброту графа в ее устах: граф, видя изменившееся отношение жены, не стал пользоваться своим статусом мужа и насильно принуждать ее к выполнению «всех обязанностей». Дорвиль же (согласно отсутствующему в тексте, но реконструированному ранее навету графини [Заславский, Пимонов, 2022]) якобы силой взял то, что ему не принадлежало.

Тем самым в ЧН вырисовывается структурное противопоставление: добрый муж и злой любовник. Это является одним из примеров характерного для Пушкина симметричного композиционного построения (см. например книгу [Благой, 1955]; это свойство отмечалось во многих работах). Ранее уже отмечалось, что такая симметрия вероятно должна была организовывать и сюжет о дуэли, в самом тексте не реализованный [Заславский, Пимонов, 2022]. Зеркальные отношения добрый муж – графиня и злой любовник – граф (второе не реальное отношение, а выдуманное графиней) реализуют еще одно отношение симметрии. Можно, в духе формулы Леви-Строса [Леви-Строс, 2008, с. 249], сказать, что в отношениях графа и графини произошла недооценка сексуальных отноше-

ний, тогда как в отношениях Дорвиля и графини (согласно ее выдумке, реконструированной в вышеупомянутой работе), их переоценка.

Хотя формула с недооценкой – переоценкой была предложена Леви Стросом в ходе антропологического анализа, в данном конкретном случае (что спорно и не всегда) оппозиция типа недооценка / переоценка адекватна именно как литературоведческое понятие, поскольку напрямую затрагивает отношения между персонажами.

Письмо: временные и пространственные характеристики

Сопоставим теперь несколько обстоятельств. Граф уезжал на год как минимум (9 мес. беременности графини + 3 мес., о которых говорил Дорвиль). И вдруг внезапно возвращается. Случайность ли это?

Обратим внимание на временные характеристики, связанные с доставкой письма. Между временем написания и временем доставки – 6 дней, между временем написания и ожидаемым временем прибытия мужа – 7 дней. Обычно письма пишут в тех случаях, когда они могут прибыть намного раньше, чем придет отправитель – иначе теряется смысл использования почты. Однако в данном случае разница между обоими интервалами минимальна – 1 день. Отсюда можно предварительно сделать естественный вывод: графу обязательно нужно, чтобы о его приезде узнали заранее.

В пользу этого свидетельствует еще ряд обстоятельств, на которых стоит остановиться отдельно. Дорвиль говорит графине: «Я не допущу его до Парижа, я поеду навстречу к графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и прокалю его». Судя по тому, что графиня всерьез воспринимает слова Дорвиля и отговаривает его, применяя весьма серьезные аргументы (в частности, вспоминая о доброте мужа), со стороны Дорвиля это не было пустым бахвальством. Соответственно, он действительно был готов встретить графа и убить его на дуэли.

Но тогда возникает вопрос. Как Дорвиль мог узнать, по какой дороге будет ехать граф? В город не может вести одна дорога для всех (приезжающих с севера, юга, востока и запада). Это значит, что сведения о маршруте содержались в письме. Можно было бы еще допустить, что адрес отправителя содержался на конверте. Но графиня дает Дорвилю не конверт, а само письмо. Поэтому указанные сведения Дорвиль мог узнать только из его текста. То есть сам граф должен был их указать.

Тем самым отправитель письма сообщает информацию о своем прибытии как во времени (причем подчеркивает день прибытия словом «непреренно»), так и в пространстве (как будет подъезжать к Парижу). Потому что он сам хочет, чтобы его там встретил Дорвиль.

Замысел графа

Мотивация графа достаточно проста. Если Дорвиль вдруг окажется на пути графа, это будет означать, что графиня ему рассказала о письме. Что косвенным образом подтвердит слухи о ее неверности. И тем более это будет весомо, если

Дорвиль устроит дуэль по вздорному поводу. В последнем случае граф не только убедился бы в справедливости слухов, но и получил бы шанс сразу же расквитаться с обидчиком, причем без необходимости возбуждать в свете слухи, компрометирующие его семью.

Таким образом, указанная реакция Дорвиля предполагалась графом. А его письмо – разведка боем (не только в переносном смысле, но возможно и в буквальном), шанс подтвердить (или не подтвердить) слухи о Дорвиле как любовнике графини (см. ниже).

Кроме того, несоответствие временных масштабов (неделя и год) свидетельствует о спешке. Человек нечто узнал, что его сильно задело, и спешит среагировать на это. Вырывается из рутины повседневной армейской жизни, все бросает и решает ехать домой.

Почему же это произошло? Дорвиль говорит: «Все дело останется в тайне. Слава богу, никто ничего не подозревает: все думают, что у вас водяная». Естественно предположить, что эти строки даны в тексте не просто так, а за ними скрывается некий смысл. Но, с учетом сказанного нами выше, этот смысл противоположен тому, что считает Дорвиль. «Все дело» НЕ осталось в тайне, и граф нечто подозревает (кто-то сообщил ему про «водяную»), потому он внезапно и решил приехать. Причем, что касается быстроты действий, дело не только в сильной психологической реакции мужа, который подозревает, что его обманывают. Тут есть и вполне рациональные соображения: нужно успеть, пока не произошли роды, и ребенка не спрятали. Что в свою очередь возможно только в том случае, если кто-то сообщил ему о внешнем виде графини, предполагающем беременность, и вероятном виновнике этого.

От отдельных осколков к общей картине

Высказанные выше предположения устанавливают причинно-следственную связь между несколькими элементами, которые раньше выглядели как друг с другом не связанные:

- 1) письмо графа и его лексика,
- 2) внезапность аномально раннего возвращения,
- 3) в соображениях Дорвиля обнаруживается заложенный в них автором скрытый смысл (хотя совсем не тот, что предполагал Дорвиль).

Отсюда и с учетом реконструкции сюжетного хода об обвинении Дорвиля в изнасиловании, которое графиня собиралась предъявить мужу [Заславский, Пимонов, 2022], в свою очередь получается целая цепь выводов. А именно, Дорвиль

- 1) не смог в свое время угадать ход событий с беременностью и подвел графиню, за что она его теперь упрекает [Заславский, 2022],
- 2) не подозревает, какой «сюрприз» она ему готовит,
- 3) он также не подозревает, что вопреки его уверенности, кто-то понял, что представляет собой «водяная» у графини,
- 4) к нему скачет его будущий убийца.

Заключение

Реконструируемая предыстория получается следующей.

Отношения графа и графини разладились. Он находится в длительной отлучке. Кто-то сообщил графу о вероятной связи Дорвиля и графини, результатом которой оказалась ее беременность. Граф всерьез отнесся к этим сведениям (которые тем более вероятны, что супружеские отношения не поддерживались достаточно давно). Он решил вернуться, чтобы выяснить, так ли это. При этом его возвращение должно было быть не неожиданным⁴, а напротив – объявленным заранее. Граф решил сделать так, чтобы его визит наверняка ожидался, и провести «разведку боем», будучи готовым к дуэли с Дорвилем. Однако (как было обосновано в другой работе [Заславский, Пимонов, 2022]) развязка должна была оказаться неожиданной и для Дорвиля и графа. А именно, дуэль бы состоялась, но по ложному поводу – Дорвиль был бы представлен не соблазнителем, а насильником. Оба они оказались бы одурочены графиней.

В упомянутой выше статье была предложена реконструкция продолжения сюжета (не состоявшегося в тексте). В данной же работе – реконструкция предыстории. И будущее, и прошлое, согласно сделанным выводам, содержат скрытые сюжетные линии. В результате сюжет произведения оказывается логически замкнутым, а сюжет в целом приобретает стройность и последовательность. Что, в целом, само по себе является существенным аргументом в пользу законченности ЧН. Подчеркнем, что в своей реконструкции мы практически не использовали психологические аргументы и опирались в основном на повествовательную логику, делая упор на лакуны в ней, которые было необходимо заполнить.

Все это, в совокупности с другими работами этого направления, лишний раз напоминает о необходимости серьезного исследования скрытого сюжета у Пушкина как системного фактора его поэтики⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Благой, Д. Д. Мастерство Пушкина / Д. Д. Благой. – Москва: Советский писатель, 1955. – 270 с.

Вольперт, Л. И. Пушкин и французская комедия XVIII в. / Л. И. Вольперт // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 9. – С. 168–187.

Добродомов, И. Г. Лексика и фразеология «Евгения Онегина». Герменевтические очерки / И. Г. Добродомов, И. А. Пильщиков. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 312 с.

Заславский, О. Б. Поэтика Пушкина. Опыт структурного анализа / О. Б. Заславский. – Москва: Флинта, 2022. – 564 с.

⁴ Как в анекдотах о муже, возвращающемся к жене в неподходящий для нее момент.

⁵ Автор выражает благодарность В. И. Пимонову за многочисленные полезные обсуждения.

Заславский, О. Б. Структура и смысл драматической миниатюры А. С. Пушкина «Через неделю буду в Париже непременно...» / О. Б. Заславский, В. И. Пимонов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. Т. 24. – № 84. – С. 115–120.

Левинтон, Г. А. К истории дописывания Пушкина (С. Д. Богдановский. Опыт окончания драматического отрывка А. Пушкина) / Г. А. Левинтон // *Russian Literature and the West: A tribute for David M. Bethea*. Ed. by Alexander Dolinin, Lazar Fleishman, Leonid Livak (Stanford Slavic Studies. Vol. 35). – Stanford, 2008, part I. – P. 319–335.

Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – Москва, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. (Серия «Психология без границ»).

Пеньковский, А. Б. Нина. (Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении). – Москва: Индрик, 2003. – 519 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Драматические произведения. Том 7. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1935. – 728 с. (Комментарий Якубовича Д. П.).

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 7 / А. С. Пушкин. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 1070 с.

Шляпкин, И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина / И. А. Шляпкин. – Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1903. – 386 с.

REFERENCES

Blagoj, D. D. *Masterstvo Pushkina* / D. D. Blagoj. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1955. – 270 s.

Dobrodomov, I. G. *Leksika i frazeologija «Evgenija Onegina»*. *Germenevticheskie ocherki* / I. G. Dobrodomov, I. A. Pil'shhikov. – Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. – 312 s.

Levinton, G. A. *K istorii dopisyvanija Pushkina* / G. A. Levinton // *Russian Literature and the West: A tribute for David M. Bethea*. Ed. by Alexander Dolinin, Lazar Fleishman, Leo-nid Livak (Stanford Slavic Studies. Vol. 35). – Stanford: 2008, part I. – P. 319–335.

Levi-Stros, K. *Strukturnaja antropologija* / K. Levi-Stros. – Moskva, 2008. – 556 s.

Pen'kovskij, A. B. *Nina. (Kul'turnyj mif zolotogo veka russkoj literatury v lingvisticheskom osveshhenii)* / A. B. Pen'kovskij – Moskva: Indrik, 2003. – 519 s.

Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. Dramaticheskie proizvedenija* / A. S. Pushkin. – Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1935. – 728 s. (Kommentarij Jakubovicha D. P.).

Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenij: v 20 t. Tom 7* / A. S. Pushkin. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2009.– 1070 s. (Kommentarij N. L. Dmitrievoj).

Shljapkin, I. A. Iz neizdannyh bumag A. S. Pushkina / I. A. Shljapkin. – Sankt-Peterburg: 1903. – 368 s.

Vol’pert, L. I. Pushkin i francuzskaja komedija XVIII v. / L. I. Vol’pert // Pushkin: Issledovanija i materialy. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. T. 9. – 536 s.

Zaslavskij, O. B. Pojetika Pushkina. Opyt strukturnogo analiza / O. B. Zaslavskij. – Moskva: Flinta, 2022. – 564 s.

Zaslavskij, O. B. Struktura i smysl dramatičeskoj miniatjury A. S. Pushkina «Cherez nedelju budu v parizhe nepremenno...» / O. B. Zaslavskij, V. I. Pimonov // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social’nye, gumanitarne, mediko-biologičeskie nauki. – 2022. T. 24. – № 84. – S. 115–120.